

С.Г. Андреева*

**Китайская дипломатия в Корее:
по материалам дипломатической переписки
русских представителей в Китае и Корее
(1880-е — начало 1890-х гг.)**

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются некоторые особенности китайской дипломатии в Корее в 1880-е — начале 1890-х гг., а также отдельные направления деятельности Представителя Китая в Сеуле. В основу статьи положен анализ ситуации, приведённый в российской дипломатической переписке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: архивные материалы, дипломатия, Китай, Корея, Ли Хун-чжан, Юань Ши-кай.

В середине — второй половине XIX века Дальний Восток стал одним из ключевых районов столкновения интересов крупных мировых держав, их активной колонизационной деятельности. В число таких стран включались как уже опытные «игроки» — Великобритания, Франция, Германия, в определённой степени Россия, так и относительно новые «участники» — США, активизировавшие свою международную деятельность после окончания Гражданской войны (1861–1865); Япония, которая после реставрации Мэйдзи (1868) постепенно стала демонстрировать стремление к самостоятельности во внешней политике и обретению статуса лидера в рассматриваемом регионе. Таким образом, Дальний Восток стал точкой пересечения различных интересов и накопления противоречий; каждая из заинтересованных сторон стремилась к достижению собственных целей и реализации выгодных ей планов (пользуясь для этого весьма разнообразными, и

---

* Андреева Светлана Геннадиевна, к.и.н., н.с. Отдела Китая, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия. E-mail: surfgrid-to@list.ru

не всегда чисто дипломатическими средствами). Например, Россия, как представляется, старалась прежде всего усилить позиции на собственных дальневосточных территориях, одновременно находясь в поиске путей повышения своей внешнеполитической роли и значимости, поддерживая выгодный для себя баланс сил в регионе. Европейские державы, в целом движимые стремлением получить доступ к новым источникам ресурсов (как природным, так и экономическим), старались также реализовывать определённые «частные» задачи (для Франции это было продвижение в ЮВА; для Англии, помимо прочего, — возможность нейтрализовать Россию на Дальнем Востоке в интересах Большой игры; и т.д.). Фактически, ситуация на Дальнем Востоке в указанный период представляла собой «клубок» интересов, противоречий, взаимодействия и противостояния разных государств. Местом, где они проявились с максимальной силой, стали две страны: Корея — достаточно бедное на тот момент государство, не имевшее особых ресурсов (кроме, может быть, географического положения), находившееся в указанный период в состоянии экономического и внутривнутриполитического кризиса, не обладавшее внешнеполитической самостоятельностью, но неожиданно оказавшееся в эпицентре борьбы крупнейших держав; и Китай, чьё положение требует особого рассмотрения как важного участника международных процессов, с одной стороны, и как государства, в силу нарастания внутренних кризисных явлений практически не обладавшего реальными возможностями для навязывания и отстаивания своей воли во внешнеполитическом плане, — с другой.

Внешняя политика Цинской империи в рассматриваемый период, т.е. после заключения Тяньцзиньских договоров (1858) с западными державами, а также под влиянием последующих внешне- и внутривнутриполитических событий, как представляется, имела скорее не самостоятельный характер, а во многом следовала за возникавшими, прежде всего, внешними обстоятельствами. Исследователи при описании внешнеполитических методов Цинской империи, в том числе в указанное время, отмечают прежде всего использование традиционной стратагемы *и и чжи и* 以夷制夷 («использование одних варваров для управления другими варварами»). Однако представляется, что цинскую политику в этот период скорее можно охарактеризовать как определённое «лабиринтование», «маневрирование» между очевидно более сильными и влиятельными противниками / сторонниками / контрагентами в попытке реализовывать свои интересы при сохранении и поддержании традиционного для Китая статуса, авторитета, а также общей безопасности государства.

Во внешней политике Цинской империи этого периода (помимо взаимоотношений с западными державами и Японией) выделяются три направления деятельности: архипелаг Люцю (Рюкю), Вьетнам и Корея. При этом именно Корея приобрела для Китая особо важное значение. Эту значимость можно оценивать по двум факторам — внешнеполитическому и внутривнутриполитическому.

Главной составляющей внешнеполитического фактора являлась безопасность территории Китая, определявшаяся географически — непосредственной территориальной близостью обоих государств. Поддержание безопасности и целостности корейской территории имело для Китая принципиальную важность, поскольку Корея могла служить «буферной зоной» для проникновения Японии и западных держав, а также России (на севере, после того, как Российская империя активизировала свои усилия в направлении освоения Маньчжурии). Главной составляющей внутривнутриполитического фактора была связана с необходимостью поддержания *status quo* в Корее, что гарантировало сохранение устоявшихся отношений Китая и Кореи как «сюзерена» и «вассала». В свою очередь это обеспечивало поддержание авторитета и престижа Цинской империи в целом и китайской администрации в частности, а авторитет государственной власти, безусловно, важен для обеспечения внутривнутриполитической стабильности в самом Китае, особенно с учётом нараставшего в стране политического и экономического кризиса. Таким образом, именно корейское направление во внешней политике оказалось наиболее значимым, комплексным и многофакторным для Китая.

Политика Цинской империи в Корее в указанное время неразрывно связана с именами двух известных фигур китайской политической истории: Ли Хун-чжана¹ — выдающегося государственного деятеля Китая той эпохи, занимавшего многие ключевые посты в цинском правительстве, в том числе должность управляющего корейскими делами, и фактически определявшего внешнюю политику Цинской империи; а также Юань Ши-кай², ставшего первым офици-

---

¹ Ли Хун-чжан (1823–1901) — один из крупнейших государственных деятелей Цинской империи. Занимал в правительстве ряд ключевых постов: государственного канцлера, губернатора столичной провинции Чжили, управляющего корейскими делами и т.д. В последние десятилетия правления Цинской династии фактически руководил всей внешней политикой Китая.

² Юань Ши-кай (1859–1916) — один из крупнейших военных, государственных, политических деятелей конца эпохи Цин — начала периода Китайской Республики. Должность китайского Представителя в Корее занимал с 1885 по 1894 г.

альным представителем Цинской империи в Корею в смысле, близком к пониманию этой позиции в западной дипломатии, чья личность и деятельность на указанном посту оцениваются исследователями довольно неоднозначно.

Для понимания как специфики складывавшейся тогда вокруг Кореи политической обстановки, так и действий Китая на этом направлении, немаловажное значение имеют материалы дипломатической переписки иностранных государств. Представленные в них оценки и понимание общей ситуации и позиции Китая влияли на формирование соответствующих направлений внешней политики этих государств, а предпринимавшиеся в рамках такой внешней политики действия, в свою очередь, влияли и на характер действий Китая в этом регионе.

В качестве примера можно привести выдержки из донесения Поверенного в делах России в Китае Н.Ф. Ладыженского: «<...> Выработанные историей Китая понятия о взаимных правах и отношениях народов между собой весьма немногосложны. Великое государство должно покровительствовать малому, а малое государство обязано повиноваться великому и уважать его. В этих нескольких словах заключается весь смысл международного права Китая.

На этих основаниях веками устанавливались отношения Китая к его без исключения слабейшим соседям, лежащим близ его границ. Эти же понятия направляли политику Китая в сношениях его с Корейским Королевством.

<...> Со вступлением в XVII веке на престол ныне царствующей Дайцинской династии сношения Китая с Кореей стали носить более спокойный характер. Маньчжуры ограничились подтверждением существующих уже договоров и установили отношения, на основании коих Богдохан признавался сюзереном Кореи, и в Пекин посылалась ежегодная дань. Со своей стороны Корея, разорённая и утомлённая, обратилась к той политике полного уединения и замкнутости, которой она держалась, и которую принуждена была покинуть в недавнее сравнительно время.

<...> Опасаясь ответственности за поведение корейцев, пекинское правительство <...> поспешно отказалось от солидарности с Кореей. На требование о вознаграждении французскому представителю в 1866 г., а впоследствии и посланнику Соединённых Штатов, отвечено было, что Корейское государство совершенно самостоятельно во всём, что касается внутреннего управления и сношений с иностранцами, и что вассальность его к Китаю номинальная.

Впоследствии, когда в 1876 г. японцы заключили договор с Кореей и заявили, что признают её самостоятельной, пекинское правительство не протестовало против этого. Тем не менее, корейские

посланцы ежегодно прибывали в Пекин с данью. Инвеститура Короля давалась правительством Богдохана, и <...>, Пекинское Министерство церемоний³ продолжало посылать корейскому правительству инструкции и сообщать ему волю Императора, пред которой Король и его министры как и прежде преклонялись.

В том же 1876 г. возникли между Кореей и Японией несогласия, грозившие принять серьёзный характер. Надеясь на то, что пекинские Правители возьмут на себя улажение этих несогласий, японцы послали в Пекин особого Уполномоченного для переговоров, но китайцы уклонились от прямого и явного вмешательства в дела Кореи и ответили японцам так же, как они ответили в 1866 г. французам и в 1871 г. американцам.

<...> Под влиянием грозившего в 1880 г. Китаю столкновения с нами, политические соображения китайского правительства значительно изменились. Изменились и отношения к полуострову. Прежнее равнодушие к судьбам его и желание устранять себя от вмешательства в его дела сменились в понятиях китайцев убеждением в необходимости преобладать в Королевстве и не допускать развития чьего бы то ни было постороннего влияния. <...> поняв важное стратегическое положение Кореи и желая обеспечить будущность сопредельной ей Маньчжурии, китайцы пришли к тому убеждению, что вступление Кореи в сношения с иностранцами будет гарантировать неприкосновенность полуострова <...>.

С того времени китайцы всеми мерами стремились к тому, чтобы не только на деле господствовать в Корее, но и доказать иностранным державам своё несомненное преобладающее там влияние. Недавние уверения в том, что Корея во внутренних делах и в сношениях с иностранцами самостоятельна, были оставлены как более несоответствовавшие новому направлению политики Империи, и Пекинские министры, так же, как и Ли Хун-чжан, везде и неизменно заявляли и проводили в делах идею о вассальности Кореи.

Идея эта, проявившаяся с особой резкостью при заключении иностранцами первых договоров с Кореей, стала господствующей во всех сношениях Китая с Кореей, и оба правительства с особой настойчивостью стали провозглашать этот принцип.

<...> События, поспешно следовавшие одно за другим, открытие Королевства влиянием цивилизованных наций, постоянное увеличение политических интересов иностранных государств на Крайнем

---

³ Министерство церемоний (*либу* 禮部) — исполняло, помимо прочего, функции министерства иностранных дел до учреждения в 1861 г. Цзунли-ямэня 總理衙門.

Востоке и всё яснее высказывающееся бессилие и несостоятельность корейского правительства должны привести Китай к тому, что он со временем принуждён будет окончательно овладеть всеми отправлениями государственной жизни Королевства.

<...> Действуя, как и всегда, осторожно и скрытно, но верно, китайцы, мало-помалу, стремятся захватить в свои руки руководство внутренними и внешними делами Кореи. Со своей стороны Корея, насколько можно судить из Пекина, сознавая свою беспомощность, тем скорее спешит стать под могущественную защиту Китая, что ясно предвидит, что ей не под силу отстаивать свою самостоятельность, которой она впрочем, по-видимому, нисколько не дорожит <...>.

<...> Насколько можно судить по имеющимся в Императорской Миссии сведениям, иностранные правительства, кроме разве Японии, которая и в этом случае, верно, потерпит дипломатическое поражение, не имеют со своей стороны особых побудительных причин к тому, чтобы отстаивать независимость Кореи. Неизменно опасаясь нашего преобладания на берегах Тихого океана, они, конечно, предпочтут видеть хозяевами полуострова не нас, а китайцев, которые не извлекут из него тех выгод, которые извлекли бы мы. Договоры же с иностранными правительствами, хотя и устанавливают равенство Кореи с державами, но равенство это, конечно, фиктивное, и не в состоянии нарушить существующего порядка вещей, коим одинаково дорожат и Китай, и Корея.

<...> Достижение этой цели тем более облегчается для Китая, что и традиции истории, и отношение к этому вопросу иностранцев, обращавшихся к Богдоханову правительству по корейским делам то с ходатайствами, то с угрозами, и, наконец, интересы обоих заинтересованных правительств совпадают.

<...> сохраняя идею самостоятельности Кореи как удобный, быть может, в данное время политический лозунг, нам нельзя игнорировать ни настойчивого и, по-видимому, успешного образа действий Китая в настоящем вопросе, ни того, что влияние его в полуострове настолько уже значительно, что и в настоящее даже время ключи от Кореи находятся не в Токио и не в Сеуле, а в Пекине» [1, лл. 91–96об].

Также, в качестве примера, можно привести отрывок из аналитической записки (автором которой является, возможно, российский консул в Нагасаки В.Я. Костылев) по поводу корейского вопроса (1885 г.): «В настоящее время она (Корея. — С.А.) номинально подчиняется Китаю, в надежде, что в случае нужды Китай защитит её, и Китай едва ли оставит её в трудную минуту беспомощной, если только сам будет иметь возможность защитить её и не будет дипломатическим путём вынуждаем отказаться и от защиты, и от протек-

тората, но будет ли Китай в состоянии защитить Корею, и даже желает защищать её оружием — сомнительно. <...> Скорее всего, в случае занятия кем-либо Кореи, Китай удовольствуется пассивным сопротивлением, т.е. переговорами и протестами, как в деле относительно Люкюских островов. Сами корейцы уже сознают, что Китай не в состоянии ни защитить Корею, ни вести её по пути развития, и что Китай для них не имеет значения, а нужна защита более существенная» [2, лл. 259–259об].

Точная и лаконичная характеристика ситуации содержится и в донесении российского Поверенного в делах в Корею К.И. Вебера⁴ (1885): «Политическое положение Кореи, как относительно внутренних, так и внешних дел её, можно охарактеризовать в нескольких словах: вековое преобладание китайского влияния и полнейшее невежество корейцев по отношению ко всему, касающемуся других наций, кроме разве Японии, заставляет их во всём повиноваться требованиям Китая» [2, л. 295].

Следует отметить, что дипломатия Цинского Китая в Корею (точнее, в связи с Кореей) в указанный период отличалась своеобразной неоднородностью и, являлась, с одной стороны, явным примером «следования за событиями», создаваемыми западными державами и Японией, а с другой, отражала приверженность Китая традиционной для него форме и методам дипломатии, исторически установленным в отношении зависимых, «вассальных» государств.

Существовавшие длительное время «вассальные» отношения между Кореей и Китаем основывались на культурном и общеполитическом влиянии⁵ и отличались определённой спецификой: говоря упрощённо, вассалитет выражался, главным образом, в том, что Корея платила определённую «дань» Китаю и формально могла рассчитывать на его поддержку и защиту от внешних врагов; при этом Китай фактически не вмешивался в дела внутреннего управления Кореи. Важно подчеркнуть, что до определённого момента такой расклад был, очевидно, выгоден обеим сторонам.

Договорные отношения (по европейскому образцу) между Китаем и Кореей были установлены лишь в 1882 г. При этом следует отметить, что этот договор не был первым в череде подобных соглашений, заключённых Кореей с третьими странами.

---

⁴ Вебер Карл Иванович (1841–1910) — российский дипломат, возглавлял первую российскую дипломатическую миссию в Корею (1885–1897).

⁵ А также, что немаловажно, на общности языка: языком официальной переписки, а также литературы, искусства и т.д. являлся в то время китайский язык.

Первым в серии этих договорённостей стал «Договор о дружбе и торговле» между Японией и Кореей (日朝修好条規) или так называемый «Канхваский договор» (江華条約; по наименованию места его подписания — корейскому острову Канхвадо (江華島)), заключённый в 1876 г.⁶ Среди западных держав «лидером» в деле «открытия» Кореи стали США, которые, после ряда неудачных попыток подписали с корейским правительством договор (1883), ставший образцом, по которому аналогичные соглашения были заключены с Англией (1883), Россией (1884), Италией (1884), Францией (1886) и т.д.

Все эти соглашения были составлены согласно европейским дипломатическим нормам и, соответственно, предусматривали учреждение на территории Кореи определённых дипломатических представительств стран-участниц договоров.

Важно отметить принципиальную особенность этих договоров: в их тексте не содержалось указания на вассальную или какую-либо иную зависимость Кореи от Китая. Китай вообще не был упомянут. То есть, формально соглашения были заключены с Кореей как с независимым государством, выступающим самостоятельным участником договорного процесса. В «Канхваском договоре» Корея впервые была названа «независимым государством» (яп. 自主ノ邦).

Такая, пусть и чисто формально обозначенная, позиция западных держав неизбежно должна была вызвать определённую реакцию со стороны Китая.

Первое соглашение, составленное в целом в соответствии с европейскими дипломатическими образцами и нормами, а именно «Китайско-корейский договор о морской и сухопутной торговле» (中朝商民水陆贸易章程), было заключено в 1882 г. Оно было фактически навязано Китаем корейскому правительству после подавления волнений в Сеуле 1882 г. (кит. 壬午事变 или 壬午軍乱) и официально декларировало и фиксировало зависимое положение Кореи по отношению к Китаю⁷. Данный договор предоставлял Китаю определённые привилегии (экономические и политические), закреплённые и расширенные в ряде последующих соглашений.

---

⁶ В 1882 г. этот договор был подкреплён «Дополнительным соглашением» (济物浦条约).

⁷ Преамбула договора: «Корея издавна относилась к вассальным территориям, связанным [с нами] обычаями и ритуалами. Для всего имеются установленные правила, и [существующий порядок] не следует менять». 朝鮮久列藩封，典禮所关。一切均有定制，毋庸更议。Цит. по: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E4%B8%AD%E6%9C%9D%E5%95%86%E6%B0%91%E6%B0%B4%E9%99%86%E8%B4%B8%E6%98%93%E7%AB%A0%E7%A8%8B>

Важно учитывать, что в рассматриваемый период внешнеполитическое положение Китая было весьма непростым, ход событий был насыщен как ситуациями политического противостояния, так и открытыми вооружёнными столкновениями. По сути, цинское правительство оказалось вынуждено практически одновременно действовать на разных направлениях, в том числе и буквально (географически): противостояние с Японией (вокруг Формозы, островов Люцю/Рюкю и Кореи); вооружённый конфликт с Францией в борьбе за Вьетнам (франко-китайская война 1884–1885 гг.) при одновременном внутривосточном осложнении ситуации в Корее (попытка государственного переворота 1884 г. во главе с Ким Ок Кюном⁸), в урегулировании которой Китай также принимал участие; определённое противостояние с Российской империей как на северо-западных границах Китая, так и (со временем) в районе Маньчжурии, и т.д. Такая высокая концентрация «раздражающих» факторов, вероятно, в незначительной степени сковывала свободу манёвра Китая, вынуждая его подчас не действовать «на опережение», а реагировать на уже случившееся. Тем не менее, несомненно, Китай стремился реализовывать собственные внешнеполитические цели и задачи и, безусловно, одним из главных «авторов» внешнеполитического курса Цинской империи был Ли Хун-чжан. В поисках оптимального решения в складывающейся ситуации он стремился применять уже упоминавшийся традиционный китайский метод *и и чжи и*. Наиболее отчётливо эта тенденция проявилась в связи с Кореей. «На протяжении длительного времени дипломатическая тактика Ли Хун-чжана представляла собой метод „и и чжи и“, чтобы [обеспечить Китаю возможность] фактически „пройти по канату“ между „варварами“. По инициативе Ли Хун-чжана США, Англия, Франция, Германия и другие страны в разное время заключили договоры с Кореей, признавая её независимость. В то же время Корея, со своей стороны, заявляла, что считает себя страной, подчинённой Китаю (屬邦). И, разумеется, Китай также выражал готовность по-прежнему нести обязанности защитника (протектора) и союзника Кореи» [4, с. 9].

И, действительно, в 1880-е гг., особенно после сеульских событий 1884 г. (甲申之變), Китай (в отличие от предшествующего времени) стал активно вмешиваться во внутренние дела корейского государства. При этом внешнеполитические действия цинского правительства имели главной целью противостояние/сдерживание Японии. Именно Китай настаивал и содействовал подписанию Кореей дого-

---

⁸ Ким Ок Кюн 金玉均 (1851–1894) — корейский общественный деятель, сторонник реформ.

воров с западными державами, полагая, что это создаст определённый «противовес» активности Японии. При этом сложно говорить о какой-либо «однонаправленности» внешнеполитического курса Китая: китайская дипломатия, следуя фактически складывавшимся обстоятельствам, «лабирировала», пытаясь сблизиться то с западными державами для противодействия Японии, то с Японией против России, то с Россией в противовес Японии и Западу, и т.д.

Вряд ли можно однозначно оценивать эффективность этой стратегии. В частности, например, предполагавшаяся Ли Хун-чжаном попытка опереться на Германию для противодействия Франции (联德制法) [5, с. 104] на деле оказалась нереализуемой. Назначение Ли Хун-чжаном находившихся на китайской службе европейцев (П.Г. Мёллендорф, О.Н. Денни) в Корею в качестве советников корейского короля не привело к ожидаемым результатам: оба советника мало способствовали повышению роли Китая и укреплению его позиций в Корее как государства-сюзерена, полагая, что для Кореи гораздо полезнее и перспективнее, например, союз с Россией, а не со слабеющей Цинской империей. При этом нельзя отрицать и тот факт, что западные державы, отстаивая «независимость» Кореи, когда это отвечало их политическим и экономическим интересам и выгодам, в то же время при решении многих принципиальных вопросов, связанных с Кореей, обращались не только и не столько к корейской администрации, сколько к правительству Китая (т.е. к Ли Хун-чжану).

Воплощением китайской политики протекционизма в отношении Кореи стал Юань Ши-кай, назначенный в 1885 г. в Сеул в качестве Генерального представителя по дипломатическим и торговым делам (驻扎朝鲜总理交涉通商事宜大臣)⁹.

Сложно дать какую-либо однозначную оценку деятельности Юань Ши-кай в Корее. Фактически с момента своего появления в этой стране в 1882 г. в составе войск У Чжан-цина¹⁰, направленных в Сеул для ликвидации беспорядков, он проявил себя как человек исключительно (а порой и чрезмерно) инициативный и деятельный. Своими подчас довольно своеобразными действиями на дипломати-

---

⁹ Позиция приравнивалась к должности чиновника-даотая (道台) 3-го класса (三品). <https://baike.baidu.com/item/%E8%A2%81%E4%B8%96%E5%87%AF>

¹⁰ У Чжан-цин 吴长庆 (1834–1884) — генерал, военный деятель Цинской империи. Принимал участие в подавлении Тайпинского восстания. В 1882 г. был направлен с войсками в Корею для ликвидации волнений. В течение последующих двух лет находился в Корее в качестве фактического представителя Китая.

ческом поприще он сумел не только настроить против себя некоторых корейских сановников (даже несмотря на то, что в основной массе они в целом продолжали следовать традиционной этикете и форме взаимоотношений с Представителем Китая как с официальным посланником страны-сюзерена), а также многих представителей Дипломатического корпуса в Сеуле, но подчас вызывал и откровенное недовольство у некоторых чиновников китайского правительства и самого Ли Хун-чжана¹¹. В этом контексте можно привести, например, выдержки из донесений российского Поверенного в делах в Корею К.И. Вебера, который неоднократно (и весьма некомплементарно) отзывался о методах деятельности Юань Ши-кай в этой стране: «Увлекаясь своим честолюбием и желанием убедить здешнее правительство в том, что самый естественный покровитель Кореи — это Китай, с которым она связана историей, преданиями и обычаями, и что он, Юань, более других способен давать Королю советы, могущие быть полезными ему при управлении государством, Китайский представитель считал нужным указать на ошибочные мероприятия Короля, имевшие последствием лишь бедственное положение страны, и разлад между высшими и низшими слоями народа. Доказательством тому, по его мнению, служат повторявшиеся в последнее время смуты, вызванные главным образом лицами низкого звания и происхождения, которые лестью вкрались в милость Правительства, но имеют в виду лишь собственную материальную выгоду, а не благосостояние своей родины» [1, л. 215].

«Тактика, которой придерживается здешний Китайский Представитель Юань, состоит в том, чтобы бить постоянно тревогу, приводить корейцев в смущение в ожидании каких-то смут и переворотов, спасение от которых они могут ожидать лишь от Китая, исполняя беспрекословно его приказания.

Со стороны Японии, часто наводнявшей Корею своими полчищами, корейцы претерпели, по словам Юаня, немало бедствий; из Америки распространяются к ним республиканские идеи и стремления; из Франции — католичество; Россия желает, будто бы, отнять северные провинции Кореи, а Англия думает только о собственных интересах <...>. Ни одна из этих Держав не поможет Корею в случае внутренних смут у неё или недоразумений с другими нациями. Один Китай, он говорит им, неоднократно на деле доказывал свою дружбу и в состоянии оказать Корею своё покровительство. <...>

---

¹¹ Хотя, несмотря на неоднократные просьбы, например, западных дипломатов, переданные Ли Хун-чжану через О.Н. Денни, Юань Ши-кай не был отозван из Сеула.

Американский Министр-резидент считает положение ещё более серьёзным. По его мнению, иностранным Правительствам следует требовать немедленного удаления Юаня или, по крайней мере, заявить пекинскому правительству, что они возложат на его представителя всю ответственность за беспорядки в Сеуле, могущие быть последствием его действий» [1, л. 316об–318].

Весьма показательным в этом плане стал факт направления Юань Ши-каем (причём лично, от своего имени) корейскому Королю особого Меморандума (1886), в котором он, в традиционном для Китая стиле описав внутренние проблемы корейского государства, прямо даёт Королю советы и рекомендации, указывая, какие действия и меры следует предпринять для выправления положения.

«<...> приводятся 10 параграфов, в которых Юань Ши-кай излагает своё мнение о способе управления страной, каким людям следует доверять, и как ими пользоваться, и проч. Статьи эти заключают в себе известную долю правды, но, в общем, состоят из витиеватых и довольно нелепых фраз, в которых, если привести их к общему знаменателю, Юань наставляет Короля, что кроме его [Юаня] указаний, следует внимать представлениям лишь людей достойных, а не подлых, преследующих свои корыстные цели. Он мало даёт положительных советов, не указывая, каким образом именно можно развить благосостояние края, улучшить быт народа и поднять в нём уровень нравственности и образования в науках и искусствах. Наконец, он не восстаёт против существующих, законом или обычаями признанных порядков, на основании которых простой народ томится под гнётом чиновников и высшего класса» [1, л. 216об–217].

Важно учитывать, что все действия Юань Ши-кай на посту китайского официального представителя в Корее по своей форме и способам реализации находились абсолютно в русле традиционной китайской дипломатии. В своей деятельности Юань Ши-кай исходил из безусловности и незыблемости зависимых («вассальных») отношений между Кореей и Китаем и всеми силами стремился к обеспечению сохранности и укреплению протектората Китая в отношении корейского государства. Оставаясь в рамках традиционного мировоззрения на отношения Китая с вассальными государствами, Юань Ши-кай своими действиями просто не мог не вступать в определённый конфликт с представителями западных держав, действовавших всё-таки в русле европейской дипломатической традиции.

Дипломатическая переписка представителей западных держав в Корее в 1880-е — начале 1890-х гг. содержит немало довольно негативных отзывов о действиях Юань Ши-кай. Весьма примечательным в плане понимания характера китайской политики

в Корею в целом и действий Юань Ши-кай как его представителя в частности может служить ситуация с направлением корейским государством своих официальных посольств в Европу и Америку.

В 1887 г. корейское правительство решило проявить определённую самостоятельность и, наконец, реализовать предусмотренное заключёнными с западными державами договорами право направлять и обмениваться дипломатическими миссиями и представителями. В результате было организовано два посольства: сановник Чо Синхи 趙臣熙 направлялся в так называемые «трактатные» (т.е., с которыми у Кореи имелись договоры) страны Европы и Россию, а Пак Чунъян 朴定陽 — в США. Узнав об этом, китайский представитель Юань Ши-кай направил в корейскую Коллегию иностранных дел запрос с требованием объяснений, почему назначение посланников не было согласовано с ним, как Представителем Китая¹².

«Китай открыто вмешивается этим в сношения здешнего правительства с иностранными и желает разыгрывать роль протектора и посредника, от благоусмотрения которого зависит характер этих сношений. Если поэтому заявленные <...> претензии Китая не встретят отпора со стороны принимающих участие в судьбах Кореи Держав, заинтересованных в дальнейшем существовании оной как самостоятельного государства, то нужно полагать, что при невозможности для неё отстаивать без чужой поддержки свои права против сильного соседа, она действительно превратится в китайскую область.

<...> Китайское подворье, ранее всегда окружённое провожатыми и носильщиками корейских сановников, посещавших Юаня, теперь пусто, так как все избегают его. Его требования вызывают не смущение и страх, как бывало прежде, а тупое сопротивление, несмотря на то, что он всё делает, чтобы восстановить народ против иностранцев, т.е., американцев, японцев и нас, и убедить его в том, что Китай — его истинный покровитель, друг и спасение. <...> Наступил кризис, исход которого будет зависеть главным образом от положения, занимаемого по отношению к этому вопросу трактатными Державами. Если Китай увидит, что он встретит отпор со стороны некоторых из них, интересы которых не позволяют им относиться безучастными к претензиям одного и посягательству на целостность и самостоятельность этой страны, то следует надеяться, что он откажется от крайних мер» [1, л. 336об, 337об].

---

¹² Отметим при этом, что осуществлённое ранее направление корейской дипломатической миссии в Японию (в Токио) прошло без каких-либо особых помех и, по-видимому, не вызвало особых возражений со стороны китайского представителя в Корею и правительства Китая.

В подтверждение своих притязаний Юань Ши-кай ссылался на полученные им телеграммы Ли Хун-чжана, содержащие описание порядка действий, обязательного для исполнения при направлении в третьи страны корейскими посланниками как представителями зависимого от Китая государства (см. Приложение 1).

В итоге настойчивых и активных интриг со стороны Юань Шикая, направленный в Европу сановник Чо доехал только до Гонконга и, проведя там довольно длительное время, был вынужден вернуться в Сеул. Миссия Пака в этом плане оказалась более результативной: он всё же прибыл в 1888 г. в Вашингтон, где был принят президентом США, а также встретился с дипломатическими представителями различных европейских держав. И хотя Пак в том же 1888 г. был отозван корейским правительством, не осмелившимся дать твёрдый отпор предъявленным Юань Ши-каем обвинениям в нарушении корейским посланником процедуры представления в иностранном государстве (что должно было производиться через китайского дипломатического представителя), всё же можно считать, что эта миссия определённую задачу выполнила (см. подробнее: [6]).

Следует также отметить, что дипломатические представители западных держав в Сеуле, по-видимому, не склонные считать Юань Шикая представителем государства-сюзерена Кореи и на этом основании рассматривать положение Китайского Поверенного в делах как какое-то особое по сравнению с их собственными позициями, неоднократно высказывались о некорректности манеры и способов действия, практиковавшихся Юань Ши-каем.

В качестве примера можно привести выдержки из донесения российского Посланника в Пекине А.М. Кумани¹³ (1889): «Северо-американский Посланник доверительно сообщил мне, что Министр Резидент в Сеуле г. Динсмор¹⁴, по званию старшины тамошнего дипломатическо-консульского корпуса, неоднократно доносил своему правительству, что китайский Резидент, уклоняясь от личного участия в общих совещаниях, присылает обыкновенно на них нечто вроде Секретаря или писца. <...> Кроме того, Юань Даотай допускается в носилках в ограду королевского дворца, чего не допускается другим иностранным представителям.

Чтобы обсудить, следует ли отнести такой странный и своеобразный образ действий к невежеству или к дурному умыслу китай-

---

¹³ Кумани Алексей Михайлович — российский посланник в Китае (1886–1890).

¹⁴ Хью Андерсон Динсмор (Hugh Anderson Dinsmore, 1850–1930) — министр резидент / генеральный консул в Корею (1887–1890).

ского агента в Корею, называющегося то Посланником, то Комиссаром, то Резидентом, Вашингтонский кабинет поручил полковнику Денби¹⁵ осведомиться у китайского правительства, какое собственно официальное звание присвоено Юань Даотаю, так как этим должно определяться и положение его в местном дипломатическом корпусе, или же вне его.

<...> На краткую ноту полковника Денби китайские министры ответили длиннейшим сообщением. Оно напоминает, что корейский Король издавна считается и сам себя признает вассалом Китая, что потому он получает инвеституру из Пекина, и что, если он даже и заключил договоры с иностранными правительствами, то только вследствие особого снисходительного дозволения Богдохана. Представительство верховной власти китайского государя над ленной Кореей возложено на Юань Даотая, и хотя ему не присвоено, впрочем, никакого определённого звания, он имеет однако, по своему высокому положению, право на особый почёт со стороны как местного правительства, так и иностранных представителей» [3, лл. 126–127].

Достаточно показательным в этом смысле является также письмо, направленное Юань Ши-каем американскому представителю А. Херду¹⁶ в ответ на разосланное последним циркулярное сообщение. В своём послании Юань Ши-кай указывает, что дела Дипломатического корпуса его не касаются, поскольку он находится в государстве, являющемся данником его страны («tributary state to my country»), и, соответственно, его положение в Корею отлично от положения дипломатических представителей других держав [3, л. 167].

Также любопытна оценка, высказанная в данном контексте П.А. Дмитриевским¹⁷ в 1891 г.: «В заключение об иностранных представителях мне остаётся сказать о г. Юане, Н.И.С.М. Resident, Китайском Представителе (Representative, как его называют официально иностранцы, и Resident, как он называет себя сам). Он держит себя совершенно отдельно от других представителей, отказываясь признавать старшину дипломатического корпуса, не ходит на общие собрания и вообще старается игнорировать официальное положение иностранных представителей. Но вместе с тем, он замечательно зорко

---

¹⁵ Чарльз Денби (Charles Harvey Denby, 1830–1904) — посол США в Китае (1885–1898).

¹⁶ Августин Херд (Augustine Heard, 1827–1905) — министр резидент / генеральный консул в Корею (1890–1893).

¹⁷ Дмитриевский Павел Андреевич (1851–1899) — русский дипломат, китаист. В 1891–1895 гг. работал в Корею, где управлял российским дипломатическим представительством в связи с временным отъездом К.И. Вебера.

следит за внутренней и иностранной политикой Кореи и всюду, где можно, энергично вмешивается. Главным образом старания его направлены, конечно, к тому, чтобы Корея оставалась в том же состоянии страха и благоговения перед Китаем, в каком она находилась до заключения трактатов с иностранными державами, и чтобы иностранные идеи и знания как можно меньше сюда проникали.

Старания эти до сих пор были в некотором отношении успешны. Корейское правительство очень трусливо в сношениях с иностранцами, его Министры очень редко посещают иностранных представителей, крайне осторожны в разговорах и о малейшей интересной вещи про Китай говорят шёпотом» [3, лл. 174об–175].

Особый интерес, вероятно, представляет следующая выдержка из донесения П.А. Дмитриевского. Он передаёт смысл своей личной беседы с Юань Ши-каем, поэтому речь Юань Ши-кая позволяет получить представление как о его собственных взглядах и действиях, так и о китайской политике в Корею в целом.

«Юань сказал, что политика Китая состоит исключительно в поддержании порядка и спокойствия в Корею. „Меня обвиняют, — продолжал он, — в слишком грубом гнёте и притеснениях по отношению к корейскому правительству. Но если бы я не действовал твёрдо и иногда бесцеремонно, то, наверно, за 12 лет моего пребывания здесь произошло бы чуть не столько же революций, и трудно представить себе, что случилось бы с Кореей. Вы знаете, насколько ещё корейцы „дети“; они тянутся за каждой блестящей иностранной игрушкой и нисколько не заботятся, если эти игрушки могут оказаться не по карману им и ввести их в неоплатные долги. <...> Иностранцы третировали корейских министров за неуплату долгов хуже и бесцеремоннее, чем третировали их мы. Особенно много грабили корейцев японцы... Японцы старались выжить наше влияние здесь совершенно и заменить его своим, но слишком увлеклись охотой за лёгкой добычей... Влияние наше и в Сеуле теперь снова поднялось; торговля в портах переходит из японских рук в наши. Теперь они могут приобрести влияние здесь разве только силой. Они хотят направить свою эмиграцию в Корею и сделать из Кореи свою колонию. А разве мы можем допустить это? Мы не можем допустить влияния японцев в Корею, равного нашему, и будем противиться всеми силами их попыткам в этом направлении» [3, лл. 211–212].

Среди исследователей не сформировалась единая точка зрения по поводу оценки деятельности Юань Ши-кая в Корею. В частности, существует мнение, что Юань Ши-кай своими действиями способствовал углублению противоречий с Японией и тем самым прибли-

зил начало японо-китайской войны (1894–1895)¹⁸. Хотя нельзя отрицать определённую роль Юань Ши-кай в этом процессе, однако эта война была обусловлена иными, более сложными факторами, а потому была неизбежна вне зависимости от деятельности китайского Представителя. Юань Ши-кай являлся «проводником» китайской политики в Корее, и, действуя в меру своего собственного понимания ситуации, целей и задач, исходя из имевшихся у него средств и пользуясь методами, представлявшимися ему «правильными», он всё же ставил на первое место интересы Китая.

Характеризуя политику Китая в Корее в рассматриваемый период, в целом, можно привести также выдержку из донесения П.А. Дмитриевского: «Китайское влияние, политическое и нравственное, в Корее огромно, и китайцы очень хорошо знают это... Китаичам пришлось бороться здесь главным образом с японцами... Китай, особенно при настоящей династии, смотрит на Корею как на своего исконного вассала и чрезвычайно ревниво относится ко всяким посторонним попыткам приобрести здесь влияние, в виду сопредельности Кореи с Маньчжурией, родиной Цинской династии, и в виду близости её к самому Китаю» [3, л. 213].

Источники и литература

1. АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1.
2. АВПРИ, ф. Посольство в Токио, оп. 529, д. 595.
3. АВПРИ, ф. Миссия в Сеуле, оп. 468, д. 364.
4. *Тан Фусян* 汤伏祥. Юань лай жуцы: Юань Шикай юй вань Цин саньши нянь 袁来如此: 袁世凯与晚清三十年 (Юань Ши-кай и последние 30 лет династии Цин). Пекин, 2011.
5. *Цай Дунцзе* 蔡东杰. Ли Хунчжан юй Цинци Чжунго вайцзяо 李鸿章與清季中國外交 (Ли Хун-чжан и китайская дипломатия конца эпохи Цин). Тайбэй, 2001.
6. *Пак Б.Б.* Российская дипломатия и Корея (1860–1888). Москва — Иркутск — Санкт-Петербург, 1998.

---

¹⁸ См., например, [4, с. 4].

Приложение 1

<p>北洋大臣 回電袁館</p> <p>· 韓使初至各國，應先赴中國使館，再報請由中國欽使，挈同赴外部，以後，即不拘定</p> <p>· 過有朝會公讌，酬酢交際，韓使應隨中國欽差之後</p> <p>· 交涉大事，關係要者，韓使應先密商中國欽差揭示；此皆屬邦分內應行之體制，與各國無干，各國不能過問，即論告未盡事宜，宜等商受協之意，中國與朝鮮，休戚相關，各欽差皆以名卿出使，必能推誠優待韓臣，該道先照知外署，轉達國王，務飭使臣遵辦。</p>	<p>Ответная телеграмма наместника провинции Чжили Китайскому Представителю в Корее Юань Шикаю:</p> <p>· Корейские дипломатические представители, впервые прибыв в какую-либо страну, обязаны сначала отправиться в Китайское посольство и просить высочайше уполномоченного Представителя Китая о содействии и совместном посещении (местного) Министерства иностранных дел. В дальнейшем же корейские дипломатические представители могут это делать самостоятельно.</p> <p>· В случае проведения каких-либо официальных аудиенций, торжественных обедов, приёмов с угощением или предусмотренных протоколом встреч корейский дипломатический представитель должен (во всём) следовать за высочайше уполномоченным представителем Китая.</p> <p>· При обсуждении каких-либо важных дел, касающихся (Кореи), корейский представитель обязан, прежде всего, секретно (конфиденциально) обсудить (это дело) с высочайше уполномоченным Представителем Китая, (чтобы всё) рассмотреть и выяснить. Это обязательное правило, которому должны следовать все подчинённые (вассальные) страны, а других стран это не касается, и другие страны не могут (в это) вмешиваться. Если же путём обсуждения дело не будет решено, то следует подождать, (еще раз всё) обсудить и принять совместное (согласованное) мнение (решение). Китай и Корея должны действовать совместно («жить одними интересами и заботиться друг о друге»). Все высочайше уполномоченные представители выбираются из именитых сановников, поэтому непременно следует оказывать доверие и достойно обходиться с корейскими чиновниками. С этой процедурой должна сначала ознакомиться Коллегия иностранных дел (Кореи) и сообщить о ней Королю, (который, в свою очередь) должен отдать распоряжение дипломатическим представителям поступать в соответствии с этим указанием.</p>
---	---

Источник: АВПРИ, ф. Миссия в Сеуле, оп. 468, д. 364, л. 83.

S.G. Andreeva*

**China diplomacy in Korea:
Based on Russian archives materials
(1880s — beginning of 1890s)**

ABSTRACT: The article presents some features of Chinese diplomacy in Korea in 1880s — beginning of 1890s, and describes certain lines and manner of activity of China Representative in Seoul, through the analysis and opinions expressed by Russian Diplomats in China in Korea in their official reports.

KEYWORDS: archive materials, diplomacy, China, Korea, Li Hong-zhang, Yuan Shi-kai.

* Svetlana G. Andreeva, PhD (History), China Department, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia. E-mail: surfgrid-to@list.ru